

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*– Пистолет – опасное
оружие. Иногда он
стреляет, – напомнил
Дронго. – Когда есть
оружие, оно должно
выстрелить. Как
ружье в конце пьесы.*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

Фестиваль
для ЮЖНОГО
города

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Фестиваль для южного города

«PEN-клуб»

2009

Абдуллаев Ч. А.

Фестиваль для южного города / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2009 — (Дронго)

В Баку на международный кинофестиваль в качестве почетного гостя приезжает скандально известный иранский режиссер Хусейн Мовсани, эмигрировавший в Великобританию из-за гонений и угроз на родине. В Иране за фильм «Страдания блудницы» ему был вынесен смертный приговор, а тому, кто сможет привести его в исполнение, объявлена награда в два миллиона долларов. Устроителям фестиваля льстит приезд именитой персоны, но они понимают, что Мовсани становится легкой мишенью для тех, кто не прочь нажать на спусковой крючок и за куда меньший гонорар. Громкое убийство вряд ли пойдет на пользу имиджу мероприятия. Для того чтобы оградить звезду от посягательств на его жизнь, приглашают другую знаменитость – эксперта-аналитика Дронго. Впрочем, проявить себя он не успевает: преступление совершено, в номере режиссера обнаружен труп. Вот только мертв не Хусейн Мовсани, а некто совершенно иной...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Фестиваль для южного города

Я не вижу особой разницы между людьми. Все они – смесь из великого и мелкого, из добродетелей и пороков, из благородства и низости. У некоторых большие силы характера или большие возможностей, поэтому они соответственно дают большие воли своим инстинктам, но потенциально все они одинаковы.

Сомерсет Моэм

Наказанием лжецу оказывается не то, что ему никто больше не верит, а то, что он сам никому больше не может верить.

Бернард Шоу

Глава 1

Зема позвонила Дронго вечером, ближе к семи часам, и попросила взять трубку. Он узнал этот голос. Зема была сотрудницей Союза кинематографистов и занималась организационными вопросами. Конечно, Дронго знал о том, что традиционный фестиваль «Восток—Запад», проходящий в Баку, был перенесен на сентябрь и должен был состояться через две недели. Конечно, он получил приглашение, еще три месяца назад, когда был в Баку. Южное гостеприимство подразумевало обязательное приглашение всех известных людей и знакомых руководства Союза кинематографистов, даже если эти люди вообще не ходили в кинотеатры и не имели никакого отношения к этому «важнейшему из искусств». Приглашения были получены, форма вежливости была соблюдена. Теперь следовало поблагодарить за приглашение и отказаться участвовать в этом мероприятии из-за невозможности оказаться именно в эти дни в Баку.

Дронго обычно так и делал. Но на этот раз Зема настойчиво звонила несколько раз, объясняя, что звонит по поручению руководства Союза и ей просто необходимо обязательно переговорить с ним по поводу очень важного дела, связанного с предстоящим фестивалем. Наконец Дронго сдался. Во время ее очередного звонка в Москву, когда включился автоответчик, он наконец снял трубку, чтобы узнать, в чем причина столь непонятной настойчивости.

– Добрый вечер! – обрадовалась Зема. – Вы получили наше приглашение?

– Конечно. Еще три месяца назад. Но, к сожалению, я не смогу принять участие в этом фестивале. У меня будут другие дела, и я не смогу приехать.

– Именно поэтому я вам и звоню, – сообщила Зема. – Мы хотим предложить вам официально стать на несколько дней нашим главным консультантом по безопасности. Дорогу и пребывание в городе мы вам оплатим.

– Учитывая, что я буду жить у себя, это обойдется вам бесплатно, – пошутил Дронго. – Я могу узнать, что именно у вас случилось и почему вы решили сделать мне такое странное предложение?

– Вас ищет Рустам Ибрагимбеков, – пояснила Зема, – он вам все объяснит. Он как раз сейчас находится в Москве. Я должна была найти вас и сообщить о нашем предложении. А все детали он готов обговорить с вами лично.

Ибрагимбеков был постоянным президентом кинофестиваля и возглавлял Союз кинематографистов. Он был автором сценария к таким известным фильмам, как «Белое солнце пустыни», «Урга», «Утомленные солнцем», «Сибирский цирюльник». В Азербайджане тради-

ционно и справедливо гордились своим знаменитым земляком, имевшим шесть государственных премий и массу международных призов. Они были знакомы с Дронго уже много лет.

– Зачем я ему понадобился? – мрачно спросил Дронго. – Я вообще не совсем понимаю, какое я имею отношение к этому фестивалю и почему я должен быть вашим консультантом по безопасности? Разве вы проводите саммит нефтедобывающих стран? Если туда приедут режиссеры и актеры, журналисты и кинокритики, то какой специалист по безопасности вам нужен? По-моему, это несерьезно.

– Это очень серьезно, – возразила Зема. – Дело в том, что мы ожидаем приезда самого Хусейна Мовсани. И если мы не сможем гарантировать его безопасность, он просто не приедет. Хотя в разговоре с Рустамом Ибрагимовичем он признался, что очень хочет посетить Баку. Но он вам сам обо всем расскажет.

– Подождите, – прервал Зему Дронго, – кто такой Хусейн Мовсани? Моего интеллекта явно недостаточно для разговора с вами. Я первый раз слышу эту фамилию.

– Он иранский режиссер новой волны, – пояснила Зема, – уехал из Ирана еще в середине семидесятых. Много снимал на Западе, в том числе в Германии и Франции. Имеет несколько престижных международных призов, даже две номинации на «Оскар». За фильм «Страдания блудницы» он был подвергнут критике на своей родине и ему был вынесен смертный приговор. Фетва высшего духовенства. Потом, когда фильм взял главный приз в Берлине, фетву смягчили, но реальная опасность все равно существует. Он как Салман Рушди в литературе, которого все время охраняют английские спецслужбы.

– Если он киношный «Рушди», то пусть вообще не ездит по миру, – посоветовал Дронго. – Дело в том, что я всегда отношусь несколько настороженно к подобным людям. Зачем нужно своим творчеством обязательно оскорблять миллионы верующих? Можно верить или не верить в Бога, в конце концов это дело каждого. Но почему нужно вести себя настолько вызывающе, что своими произведениями, вольно или невольно, задевать чувства других людей, искренне верящих в Бога?

– Я думала, что вы безусловный сторонник свободы слова, – вздохнула Зема.

– Возможно. Но свобода подразумевает и ответственность. Помните датский скандал с карикатурами? Так вот, для вашего сведения, когда в Израиле, в стране, которую трудно заподозрить в симпатиях к мусульманам, одна еврейка нарисовала пророка в виде свиньи, она тут же получила тюремный срок за оскорбление чувств верующих. И это в Израиле, который воюет едва ли не с половиной арабского мира. Значит, ваш режиссер хочет обязательно прилететь в Баку на фестиваль?

– Он уже подтвердил свое участие, – жалобно произнесла Зема, – и мы не знаем, как нам быть. Отменить его приезд уже невозможно, об этом написали все информационные агентства, передали по мировой Сети. У него будет своя личная охрана, но мы все равно беспокоимся. Прибудет большая делегация из Ирана. Будут Аббас Кияростами и Асгар Фархади, другие известные режиссеры. Приедут делегации из арабских стран, из Израиля и Турции. Вы меня понимаете? Вам более подробно расскажет сам Рустам Ибрагимович. Мы проводим фестиваль уже много лет, и у нас не было подобных проблем. Вы же должны понимать. Это единственное такой крупный фестиваль на Кавказе. Подобного нет ни в Иране, ни в Турции, ни в Грузии, ни в Армении, ни на Северном Кавказе в России. Нам важно сохранить фестиваль как традиционное мероприятие, куда уже привычно формируются международные делегации.

– Вам нужно работать в Министерстве иностранных дел, – пошутил Дронго, – в их пресс-службе. Кажется, вы начинаете меня убеждать. Значит, я должен бросить все свои дела и приехать в Баку, чтобы с этим Мовсани ничего не случилось?

– Да, если вы согласитесь. Он будет в Баку только три дня. Но мы считаем, что вы вообще можете помочь нам в организации фестиваля с точки зрения безопасности. Мы пригласили бывшего сотрудника Министерства внутренних дел, который будет непосредственно отвечать

за безопасность наших гостей. И еще заключили договор с частной охранной фирмой. Вы должны нас понимать, как наш соотечественник и человек, любящий свой родной город. Мы не хотим, чтобы наш Баку стал местом какого-нибудь террористического акта. Нам подобная «реклама» совсем не нужна.

– Теперь понятно. Вы пригласили этого Хусейна Мовсани, а теперь уже не рады, что он принял ваше приглашение, и не знаете, как отыграть назад? Я вас верно понял?

– Нет, нет. Мы хотели позвать именно его. Он очень известный режиссер. Однако мы не думали, что проблемы с его безопасностью так серьезны. Но я вам больше ничего не скажу. Будет лучше, если вы сами побеседуете с Рустамом Ибрагимовичем. Если разрешите, он сегодня вам перезвонит.

– Пусть перезвонит. Но в общих деталях я примерно все понял. Значит, фестиваль начнется ровно через две недели?

– Открытие фестиваля будет четырнадцатого сентября, – подтвердила Зема. – Мы планируем, что оно состоится в Зеленом театре.

Это было место, известное каждому бакинцу. Похожий на своеобразный римский амфитеатр, он был построен еще в середине шестидесятых и был любимым местом отдыха нескольких поколений горожан. Восстановленный уже в новом веке, он по-прежнему считался одним из самых примечательных мест города.

– Все понятно, – вздохнул Дронго. – Значит, он будет в городе только три дня. Его будут охранять только местные специалисты или у него действительно есть своя охрана?

– Конечно, есть. С ним всегда ездят офицеры английских спецслужб. Я просто не помню точно, как они называются. Кажется, МИ-5 или МИ-6. Но у него всегда есть своя охрана.

– С такой охраной он может ничего не бояться, – недовольно пробормотал Дронго. – Зачем я вам понадобился? Вы могли бы обратиться к руководителям местных спецслужб. В Баку достаточно стабильная власть, чтобы обеспечить охрану любому гостю.

– Вы должны понимать. Не всем чиновникам нравится наш кинофестиваль. И мы решили, что это будет лучшей рекламой. Самый известный в мире эксперт охраняет самого известного в мире диссидента-режиссера.

– Спасибо. Теперь все понял. Ладно, я буду дома. Пусть мне позвонят.

Известный драматург перезвонил ровно через тридцать минут. Они были знакомы много лет, но неизменно были на «вы». Сказывалась и разница в возрасте, составлявшая больше двадцати лет. Они договорились встретиться в известном московском ресторане через полтора часа. Дронго постарался успеть вовремя. Он вообще не любил опаздывать на встречи, считая эту дурную черту отличительной и не всегда лучшей чертой многих южан. На Востоке и Юге время текло совсем иначе, чем на Западе или на Севере. Рустам Ибрагимбеков его уже ждал. Очевидно, он тоже относился к «западному» типу азербайджанцев.

После того как оба собеседника заказали себе ужин, они перешли к более предметному разговору.

– Вам уже сообщили, зачем мы просим вас приехать? – уточнил Ибрагимбеков.

– Да, Зема все мне рассказала.

– Хусейн Мовсани очень известный режиссер. Хотя снимал исключительно на Западе. Сказывается и опыт его личной жизни, ведь он уехал из Ирана еще при шахском режиме совсем молодым человеком, больше тридцати лет назад. А сейчас ему уже пятьдесят пять.

– У него есть семья?

– Это имеет отношение к его охране?

– Мне просто интересно, он приедет один или вместе со своей семьей, – пояснил Дронго.

– Не один. С ним будет офицер охраны, бывший сотрудник английской контрразведки, который будет его повсюду сопровождать. Решение о подобной охране приняло английское правительство. Когда пошли угрозы в адрес Мовсани и Рушди, тогда было принято решение

об охране обоих. Но о Салмане Рушди знает весь мир благодаря его известной книге, а фильмы Мовсани не столь популярны, хотя и получили несколько известных премий. Но в отношении Хусейна Мовсани фетва, то есть смертный приговор, была изменена, и поэтому считается, что угрозы в его адрес менее реальны, чем в адрес Салмана Рушди. Но это когда Мовсани живет в Великобритании или Канаде. А когда режиссер прибывает в Баку, где находятся тысячи его соотечественников, это может быть для него опасно.

– Вы считаете, что угроза настолько реальна?

– Не знаю. Это не моя специализация. Вы же знаете, что я кибернетик по своей первой профессии. Еще драматург и писатель. Но к работе спецслужб я никогда не имел никакого отношения, поэтому не могу судить. Нам нужен такой профессионал, как вы, чтобы оценить степень реальной угрозы. Если вы скажете нам, что опасность велика, мы просто сократим его визит до минимума.

– А отменить визит Мовсани вы не можете?

– Нет, это невозможно. Будет просто международный скандал. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Мы не просим вас выступить в роли его личного телохранителя. Нужно, чтобы вы приехали и оценили степень возможной угрозы. Вы можете оказать нам такую услугу?

– Разумеется, могу. Я как раз собирался лететь в Баку. Четырнадцатого открывается фестиваль. Когда он прилетит?

– Тринадцатого, в пятницу вечером.

– Смешно, – задумчиво произнес Дронго. – Тринадцатого, в пятницу. Не боитесь подобных совпадений?

– Я вообще не очень верю в мистику, – признался Ибрагимбеков, – и уже давно ничего не боюсь. Между прочим, номер моей машины в Баку три шестерки. И я не вижу в этом ничего опасного.

– Вы смелый человек, – пробормотал Дронго, – а мне шестерка никогда не нравилась. Я больше люблю семерку. Хотя у каждого свой вкус. Очевидно, Мовсани тоже не очень верит в подобную мистику, если решил прилететь в пятницу, тринадцатого.

– Самолет из Лондона летает каждый день, – напомнил Ибрагимбеков, – но на субботу у нас намечается открытие фестиваля. А в понедельник вечером он улетит.

– У него будет специальная программа?

– Все зависит от вас. У Мовсани намечено несколько встреч в рамках его визита. И самое опасное – это совместный банкет и открытие фестиваля. На нем будет присутствовать делегация из Ирана. Четырнадцать человек. Самая большая делегация. Там будут и великолепные мастера. Некоторых из них я лично знаю. Но среди четырнадцати человек может оказаться один фанатик, который решит привести в исполнение фетву, вынесенную Мовсани. Мы, конечно, посадим их в разных концах зала и будем следить за иранской делегацией, а его обеспечим специальной охраной. Но мы все равно нуждаемся в ваших советах.

– Сколько всего гостей вы ждете на свой фестиваль? – уточнил Дронго.

– Пятьдесят шесть человек, – ответил Рустам. – Можно вычесть двоих, которые прилетят из Великобритании, сам Мовсани и его охранник. Остаются пятьдесят четыре.

– Все равно много.

– Много. Но среди них есть всемирно известные мастера. Не забывайте, что это международный фестиваль. Скажу откровенно – есть много чиновников, которые пытаются нам помешать. С этим нам тоже нужно считаться. Можете себе представить, какая поднимется кампания против фестиваля, если с Мовсани что-нибудь случится?

– Представляю, – согласился Дронго.

– Поэтому мы просто обязаны подстраховаться. Хотя мы все понимаем, что список, о котором я вам говорил, носит условный характер. Необязательно, чтобы возможный убийца

был в составе официальной делегации. Он может быть обычным туристом, который окажется в Баку в нужное время и в нужном месте.

– Пятьдесят четыре человека тоже много, – вздохнул Дронго. – А когда стало точно известно о том, что Мовсани приедет?

– Примерно три месяца назад.

– Вы делаете мою задачу почти невыполнимой. За это время столько людей узнали о возможном приезде вашего иранского диссидента, что убийцей может оказаться любой человек, даже официант в ресторане или портье в гостинице. И учтите, что в Баку живут тысячи выходцев из Ирана.

– Мы все это учли, – возразил Рустам, – и поэтому решили обратиться к вам.

– В таком случае я прилечу в Баку десятого, во вторник, – решил Дронго, – и постараюсь сделать так, чтобы ваш фестиваль прошел нормально. Если, конечно, смогу.

– Можете, – убежденно ответил писатель. – Вы знаете, меня часто в Москве спрашивают, правда ли, что мы с вами лично знакомы. Многие даже не верят, что вы реально существуете.

– Надеюсь, что вы подтверждаете факт нашего знакомства, – улыбнулся Дронго.

– Всегда. Спасибо, что вы согласились. По всем вопросам вы можете всегда рассчитывать на мою помощь. И учтите, что на фестивале будет официальный руководитель службы безопасности, которого нам выделит Министерство внутренних дел.

– Ваш Мовсани может гордиться, – заметил Дронго, – в его охране будут английский контрразведчик, местный представитель МВД и...

– И лучший эксперт-аналитик, которого можно найти в этой части света, – перебил собеседника Рустам. – Мы даже заключили договор с частным детективным агентством. И нам нужно продержаться только три дня, пока он уедет.

– И вы уверены, что больше не будет никаких эксцессов?

– Не уверен. Кажется, Остап Бендер говорил, что полную гарантию дает только страховой полис, – пошутил Рустам.

Они проговорили еще около сорока минут. Оба отказались от спиртного. Дронго не считал возможным пить во время своих деловых встреч, а его собеседник не хотел пить в одиночку. На них обращали внимание посетители. Два высоких, мощных собеседника. Известный драматург, несмотря на возраст, сохранил свой шарм и своеобразную мужскую красоту. У него была уже седая борода, запоминающийся импозантный вид. Все, знавшие его в молодости, говорили, что тогда он был похож на знаменитого Марлона Брандо. Дронго был моложе своего собеседника на двадцать лет. Он был гораздо выше ростом, имел такие же широкие плечи и тяжелую фигуру бывшего боксера.

Разговор не затянулся. Они хорошо поняли друг друга. попрощались они довольно быстро – у обоих были дела.

Дронго вернулся в свою квартиру к одиннадцати вечера. Разделся и, пройдя в ванную, встал под горячий душ. В конце концов, он давно собирался навестить родной город. Тем более там будет интересно во время фестиваля. Фестиваль в южном городе. Дронго усмехнулся. Когда-то, много лет назад, Рустам Ибрагимбеков дебютировал в кино со своим фильмом «В одном южном городе». Много лет спустя он создал другой фильм – «Прощай, южный город». В этом была своеобразная символика, начавшаяся рассказом о нравах и традициях Баку шестидесятых и закончившаяся изменениями, происходящими в городе уже в начале следующего века.

Нужно будет посмотреть в Интернете все, что там можно будет найти по этому Мовсани, решил Дронго, подставляя голову под горячую струю воды. Он даже не мог предположить, что это будет одно из самых запоминающихся расследований в его жизни. И самых необычных.

Глава 2

Баку встретил его теплой погодой. В начале сентября уже не бывает изнуряющей июльской жары и северный ветер «хазри» свободно гуляет по площадям и улицам Старого города. Прилетев в Баку, он сразу позвонил Земе, чтобы уточнить дальнейшее расписание мероприятий фестиваля и приезда гостей. Она с явным удовольствием сообщила, что почти все гости уже подтвердили свое участие в фестивале и прибудут в Баку тринадцатого и четырнадцатого сентября. Заодно она сообщила, что уже назначен заместитель председателя оргкомитета фестиваля по безопасности, которым стал майор Вагиф Бабаев, ранее проработавший в МВД больше двадцати лет.

– Я могу встретиться с этим майором? – уточнил Дронго.

– Конечно, – обрадовалась Зема. – Если разрешите, он готов с вами встретиться где угодно. Вечером он будет в кинотеатре «Азербайджан», где начнутся показы фестивальных картин.

– Тогда будет лучше, если я сам туда приеду, – предложил Дронго. – Заодно и познакомлюсь с этим специалистом.

– Мы еще заключили договор с частной охранной фирмой, – сообщила Зема. – Нам выделят шестнадцать охранников, которые будут дежурить в две смены. И еще там будут сотрудники полиции.

– Нужно было позвать еще армейские части, – усмехнулся Дронго, – поднять в воздух вертолеты и самолеты.

– Вы считаете, что мы поступили неправильно?

– Нет. Это я пошутил. Все правильно. Вечером я приеду в кинотеатр и все сам посмотрю.

Кинотеатр «Азербайджан» был технически самым оснащенным в городе заведением подобного рода. В его трех залах можно было демонстрировать последние фильмы лучших голливудских студий с хорошим качеством изображения и звука. Кроме того, в больших залах были и VIP-залы, в которых гости могли заказывать себе еду и напитки, находясь за темными стеклами, чтобы их не могли видеть другие зрители.

Дронго помнил, как в детстве он часто гулял вокруг этого кинотеатра с родителями. В те годы отсюда проходила автомобильная дорога, а рядом с кинотеатром стоял изумительный по красоте памятник поэтессе и ханской дочери Натаван, считавшейся символом эмансипации еще за двести лет до описываемых событий.

Он приехал в кинотеатр и довольно долго ждал у входа, пока билетеры нашли и позвали Вагифа Бабаева, который теперь руководил всей службой безопасности не только кинотеатра, но и всего фестиваля. Бабаев оказался чуть ниже среднего роста мужчиной с выпирающим животиком, мордастым, с маленькими глазами и редкими волосами, которые он зачесывал так, чтобы не была видна его большая лысина. К тому же было заметно, что он еще и подкрашивает свои волосы.

– Вагиф Бабаев, – сказал он, энергично пожимая руку гостю, – очень приятно, господин... простите, мне неудобно называть вас этим непонятным прозвищем. Может, лучше по имени-отчеству?

– Меня обычно называют Дронго, – сообщил гость, – так мне больше нравится.

– Да, да, конечно. Господин Дронго. Я много про вас слышал. Здесь в городе про вас рассказывают такие легенды.

– Это всегда только легенды. Давайте перейдем к самому важному. У вас есть здесь свой кабинет?

– Конечно, – засуетился Бабаев. – Пойдемте.

Он провел гостя на второй этаж в свой небольшой кабинет. «Судя по кабинету, на фестивале у него не самая важная должность», – иронично подумал Дронго. Кабинет был небольшой, метров четырнадцать. Но зато на стене было сразу несколько фотографий, на которых Бабаев был снят с некоторыми высокопоставленными чиновниками государства. И хотя везде он был на заднем плане, все-таки эти фотографии демонстрировали его статус. Дронго подумал, что не знает почти никого из снятых на этих снимках.

– Это актеры или продюсеры? – пошутил он, показывая на фотографии. Хотя было ясно, что это чиновники – такие важные и строгие лица у них были.

– Что вы, – улыбнулся Бабаев, подходя к стене, – это все люди, с которыми я работал. Вот это заместитель министра внутренних дел. А это заместитель министра по чрезвычайным ситуациям. А это сам министр внутренних дел.

– Тогда понятно. Вы ведь работали раньше в МВД?

– Шестнадцать лет, – поднял голову Бабаев, – шестнадцать лет я работал в этой системе. А потом еще четыре года в Министерстве по чрезвычайным ситуациям.

– Похвальная биография, – кивнул Дронго. – И кем вы работали? Если, конечно, не секрет?

– Какой секрет, – улыбнулся Бабаев, – я работал в управлении пожарной охраны. А потом нас передали в другое министерство. Мы сначала даже не хотели уходить. Знаете, как уважают сотрудников МВД в нашем городе. Но когда узнали, что министром стал очень уважаемый мною Камялетдин-муэллим, то, конечно, обрадовались. Сотрудников этого министерства уважали не меньше.

– Понятно. Значит, вы занимались двадцать лет специфической деятельностью. Очень нужной и важной для людей. Но как вы попали на должность заместителя по безопасности?

– Так и попал, – гордо заявил Бабаев. – Что такое безопасность фестиваля и его участников? Чтобы не было никаких происшествий во время показа фильмов, во время заседаний, во время открытия и закрытия. А какие происшествия могут быть? Самая большая опасность – это пожары в подобных местах. Поэтому здесь нужен специалист. Настоящий профессионал. А я считаю себя настоящим профессионалом.

– Не сомневаюсь, – кивнул Дронго, – с вашим опытом работы...

– Да, – не понял подвоха Бабаев, – я сразу сказал Рустаму Ибрагимовичу: вы нашли именно того человека, который вам нужен. Я все сделаю, чтобы фестиваль прошел на высшем уровне.

– У вас есть список приглашенных?

– Конечно. Мы сделали копию и для вас.

Бабаев начал искать копию. Заглядывал по очереди во все папки, просмотрел все ящики своего стола. Затем вздохнул и, подняв трубку, набрал чей-то номер.

– Ты взяла у меня копию приглашенных? – строго спросил он. – Я же тебе говорил, что она мне нужна. Для какой Лалы? Ах, для Лалы-ханум. Я понимаю, конечно. Но мне нужно передать эту копию господину Дронго.

Он положил трубку.

– Сейчас принесут, – сообщил Бабаев. – Это Лала-ханум приказала забрать все копии. Вы ее знаете. Она считается директором фестиваля и вмешивается во все дела.

– Значит, вы ее заместитель? – уточнил Дронго. Он подумал, что все это напоминает театр абсурда.

– Я заместитель председателя оргкомитета, а не директора, – строго поправил его Бабаев, – и ей не подчиняюсь. Сейчас нам принесут копию.

– Хусейн Мовсани прилетает в пятницу?

– Этот иранский режиссер, – поморщился Бабаев. – Из-за него у нас все проблемы. Не нужно было его приглашать. Такой скандальный тип. Можете себе представить, что из

английского посольства приезжал сотрудник, который решил сам посмотреть номер, в котором мы поселим этого режиссера. Оказывается, Мовсани гражданин Великобритании и его будет охранять сотрудник британской контрразведки. Поэтому мы забронировали им два смежных номера в отеле «Европа». Пятизвездочный отель, между прочим. Знаете, в какую сумму обойдется приезд этого бывшего иранца, а ныне англичанина нашему фестивалю? Два билета первого класса, два номера в отеле.

– Из остальных прибывающих никто больше не возьмет с собой телохранителей?

– Нет. Конечно, нет. Вы знаете, зачем телохранители творческим людям?

– Как раз им они и нужны. Чтобы защитить в первую очередь от назойливых поклонников и фанатов.

– У нас не будет таких звезд, которых нужно защищать, – рассмеялся Бабаев. Половина зубов у него была золотая.

В дверь постучали.

– Войдите, – разрешил Бабаев.

Вошедшая девушка принесла копию с фамилиями и должностями приглашенных. Она положила копию на стол.

– И приготовьте нам чай, – строго добавил Бабаев. – Ты видишь, у меня сидит гость.

– Я не знала, что у вас гость, – пожалала плечами вошедшая. – Мы оформляем приглашения на банкет. Сейчас принесу чай.

Она вышла из кабинета.

– Эта девушка официально считается моим помощником, – показал на дверь Бабаев, – и ничего не смыслит в наших делах. Она дочь моей двоюродной сестры и мечтает о кино. Поэтому моя сестра уговорила взять ее дочь на эту должность. Вот теперь я с ней и мучаюсь.

Дронго не стал комментировать его слова. Он взял копию и стал внимательно просматривать список.

– Знаете, сколько сложностей с этими гостями, – пожаловался Бабаев, – у каждого свои причуды. Кто-то хочет жить на берегу моря, чтобы каждый день купаться. Кому-то нравится останавливаться в небольших гостиницах в Старом городе. И всех нужно обеспечить транспортом. Просто голова идет кругом.

– У вас уже есть план рассадки гостей во время открытия фестиваля?

– Нет. Конечно, нет. Мы его еще не успели сделать. Вы должны нас понять. В нашем городе свои традиции. Мы пока не знаем, кто из членов правительства и депутатов захочет прийти. Для них нужно оставить отдельные места. И самые лучшие.

– Я думал, что самые лучшие места нужно отдавать гостям, – заметил Дронго.

– Вы давно не живете в Баку, – снисходительно произнес Бабаев. – Не знаете наших порядков. Ну разве можно посадить какого-то иностранца на почетное место, а нашего министра отправить на галерку? Будет просто неприлично.

– Это я понимаю, – кивнул Дронго, – нелегкая у вас работа.

Бабаев не почувствовал иронии.

– Да, – кивнул он, – очень нелегкая. Но ради нашей республики мы работаем день и ночь. Работаем на имидж нашего государства и...

Дверь открылась. На пороге стоял старый знакомый Дронго. Это был один из секретарей Союза кинематографистов, бывший заместитель председателя комитета по телерадиовещанию Рафик Гусейнов. Он подошел к Дронго и, весело приветствуя, обнял его. Затем обратился к Бабаеву:

– Опять занят ерундой. Нужно было сразу привести к нам нашего уважаемого эксперта.

– Мы говорили о делах, – возразил раздосадованный Бабаев.

– Знаем мы твои дела. Самое главное, чтобы везде висели огнетушители, – отмахнулся Рафик. – И не забудь проверить зал, где будет банкет. Я увожу твоего гостя. Он тебе больше не нужен?

– Мы уже закончили наш разговор, – кивнул Бабаев.

– До свидания, – вежливо сказал Дронго, – и спасибо за копию. – Так и не дождавшись чая, он вместе с Гусейновым вышел в коридор.

– Нашли такого типа и решили сделать его специалистом по безопасности, – вздохнул Рафик. – А он бывший пожарник и, кроме своей пожарной охраны, ничего не смыслит в других делах. Ты мне скажи, ты давно приехал?

– Сегодня днем. Меня просили прилететь из-за этого Мовсани.

– Я знаю. Это я предложил твою кандидатуру. Ты все-таки серьезный специалист, а не пожарник. Давай ко мне в кабинет.

Помещение, где остановился Рафик, было раза в три больше каморки Бабаева. Рафик сразу распорядился принести чай. Они уселись за стол.

– Ты опять один? – спросил Рафик. – Без Джил? Твои частые перемещения по всему миру в одиночку выглядят очень подозрительно. Ты знаешь, что это может вообще плохо кончиться? Когда летаешь в командировку, а жена остается одна. Или наоборот, когда жена улетает, а ты остаешься один.

– В каком смысле плохо? – не понял Дронго.

– В самом прямом. Привыкаете жить друг без друга. Это плохо. Так было и у меня в третьем браке. Все закончилось разводом. Сейчас у меня уже четвертый брак.

Дронго улыбнулся.

– Обязательно расскажу об этом Джил. Твой опыт – просто бесценное достояние человечества.

– А ты не шути. Это очень серьезно. Тем более что ты известный бабник.

– У тебя есть совесть? Какой я бабник?.. Рядом с тобой..

Рафик Гусейнов в молодости был диктором на телевидении. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, выглядел он неплохо. До сих пор был привлекателен, узнаваем, обладал бархатным голосом.

– Не прибедайся, – возразил Рафик, – просто я нравлюсь всем женщинам без исключения, а ты у нас эстет. У тебя обязательно какие-то немислимые запросы. Но все равно это может плохо закончиться. Привыкаешь к одиночеству.

– Возможно, ты и прав, – кивнул Дронго. – Что ты думаешь насчет этого Мовсани?

– Ничего не думаю. Если его хотят убить, то пусть лучше убивают в Лондоне или где-нибудь в другом месте. Только не у нас. Ты же знаешь. У нас фестиваль традиционный, спокойный, почти семейный. Зачем нам эти дурацкие проблемы? И еще приедет делегация из Ирана. Представляешь, как иранцы отреагируют? Может быть любой скандал. А посольство Ирана уже заявило, что от них тоже будут три человека вместе с послом. Это вообще плохо. Там могут быть не только дипломаты..

– Мне об этом не сообщили, – насторожился Дронго. – Они тоже будут на открытии?

– В этом-то все и дело. И проверять их тоже невозможно. Они могут быть даже с оружием. И если все же кто-то из них убьет Мовсани, то мы не сможем даже его посадить. Дипломатическая неприкосновенность. Можно будет только его выслать из страны. А там он станет настоящим героем. Вот поэтому мы сейчас сидим и думаем, что нам делать. Я позвонил Лале и предложил вообще отменить визит этого Мовсани. Но она говорит, что о его приезде в Баку написали все английские газеты. И его приезд отменять нельзя. А если его убьют, будет хорошо?

– Кажется, наши проблемы растут в геометрической прогрессии, – заметил Дронго.

– Если бы только они, – вздохнул Рафик. – У нас всегда много проблем, которые нужно устранять. Только за счет титанической энергии Рустама и его личных связей мы решаем дела. Знаешь, сколько людей прилетят из Москвы? Больше двадцати человек. И все очень занятые люди. Но ради Рустама они готовы лететь на наш фестиваль.

– На открытии будет только иранский посол или еще кто-то?

– Другие послы подтвердили свое согласие. Правда, не все. Но российский, болгарский, румынский, украинский, грузинский будут обязательно. И еще две женщины. Послы США и Великобритании. Тоже припрутся на открытие. Ты мне скажи, почему в Вашингтоне и в Лондоне сидят такие чудаки на букву «м»? Они не понимают, что в мусульманское государство нежелательно присылать посла-женщину? А до этого из Франции вообще прислали посла с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Или они это делают нарочно?

– Ты не понимаешь. Для них это – способ выражения свободы. Если женщине откажут в назначении в мусульманскую страну только потому, что она женщина, это будет нарушением их законов, дискриминацией, не говоря уже о грандиозном скандале. То же самое и в отношении сексуальных меньшинств. Это свобода в их понимании...

– Какое понимание?.. Они должны учитывать местные условия...

– Иногда они сами попадают в смешные ситуации, – вспомнил Дронго. – Одно время в Баку работал послом Израиля наш друг Аркадий Мил-Ман. Потом его перевели в Москву, а его осталась замещать женщина. И в это время в Баку открывали новую синагогу. Приехали делегации из многих стран. Из Москвы даже прилетел Геннадий Хазанов. Можешь себе представить, что женщину, исполнявшую обязанности израильского посла, не пустили к мужчинам. Не положено по строгим иудейским законам. Ее отправили к другим женщинам за занавеску на второй этаж, откуда она могла наблюдать за всем, что происходит внизу. Иногда подобные курьезы случаются.

– Тем более нужно учитывать местные условия, – горячился Рафик.

– Напиши об этом Хиллари Клинтон в Вашингтон, – посоветовал Дронго. – У американцев государственный секретарь тоже женщина. И не нужно так нервничать. Во многих странах женщины уже стали президентами. А в мусульманской стране Беназир Бхутто была даже премьер-министром...

– И чем это закончилось? – насмешливо спросил Рафик.

– Ее убили не за то, что она была женщиной, а за то, что она была непримиримым политиком. То есть считалась опасной для остальных политиков-мужчин. А значит, ее убийство – лишь подтверждение всеобщей эмансипации и равенства полов.

– Ты у нас известный демократ, – заметил Рафик, – больше не буду с тобой спорить. Только учти, что все это будут твои проблемы. На нашего пожарника мы не очень рассчитываем. Он, может, и сможет защитить нас от пожара в большом зале, но от террористов вряд ли. Поэтому тебе нужно все решать самому.

– Это я уже понял, – вздохнул Дронго, – еще когда мне позвонили в Москву.

Глава 3

В этот день у него намечалась важная встреча. Дронго собирался встретиться с министром иностранных дел, чтобы обсудить с ним проблему Мовсани. Они были знакомы давно, уже много лет. Министр был первым профессиональным дипломатом, занявшим столь высокий пост. До него в этой должности работали филолог, ставший министром, бывший премьер, пониженный до посла и затем ставший министром, бывший сотрудник Академии, неизвестно каким образом попавший в министерское кресло, и другой ученый, тоже непонятным образом ставший министром и прославившийся своей воинственной некомпетентностью. Одним словом, с министрами иностранных дел республике не очень везло, как в популярном фильме «не очень везло с царями».

Нынешний министр был не просто профессиональным дипломатом, получившим образование в одном из лучших международных вузов тогда еще большой страны. Он последовательно прошел все ступени дипломатической службы: работал первым секретарем постоянного представительства Азербайджана в ООН, советником посольства в Вашингтоне и послом в Риме. Еще несколько лет в перерывах он работал в самом министерстве. Одним словом, это был человек, знающий работу дипломатов не понаслышке. И самое главное – он был начитанным, грамотным, образованным человеком, умеющим слушать и слышать, что для начальника в южной стране редкие качества. Министерский пост его не испортил. Может, потому, что он был настоящим интеллигентом не в первом поколении. Ведь нельзя считать себя интеллигентным человеком, если вы первый специалист с высшим образованием в своей семье. Интеллигента воспитывают книги отцовской библиотеки, считал один известный политик. Ведь действительно нельзя быть интеллигентом в первом поколении, так просто не бывает. Это всего лишь «образованец», говоря словами Солженицына.

Интеллигентом нельзя притвориться, и поэтому их так не любят, говорил академик Лихачев. У министра в этом плане было все в порядке с родословной. Его дед – известный врач-психолог, спасал людей в лагерях Сибири, куда был послан в конце тридцатых и откуда вернулся в пятидесятые годы. Именем этого человека была названа одна из центральных улиц города. Его отец и мать были известными учеными-химиками, отец был академиком и отличался независимым характером. Двое его дядей были народными писателями республики. А его тесть долгие годы возглавлял один из самых больших вузов страны. Такое количество достойных людей просто не давало ему возможности радикально измениться в худшую сторону.

Они встретились в кабинете министра. Несмотря на свои желания, даже министр был не вправе распоряжаться своим временем. Через час он должен был принимать посла и не мог никуда поехать даже для встречи со своим другом. В кабинете было просторно и светло. Сначала они говорили о разных мелочах, вспоминая друзей и знакомых. Понимая, как мало времени у его собеседника, Дронго перешел к самому важному вопросу.

– Ты знаешь, что скоро начнется фестиваль?

– Конечно, – кивнул министр. – Я получил приглашение на открытие. Хотя боюсь, что меня здесь не будет. У меня намечена на четырнадцатое встреча в Женеве.

– Представляю, сколько ты летаешь, – вспомнил Дронго.

– Можно подумать, что ты летаешь меньше.

– Но у меня бывает право выбора, а ты обязан лететь везде, где тебя ждут или ты нужен. Тебе намного сложнее.

– Будем считать, что ты меня убедил, – усмехнулся министр. – Ты ведь пришел не просто так. И вообще не просто так прилетел. Ты сразу спросил насчет фестиваля. Проблема Мовсани?

– Да.

– Мне уже звонила посол Великобритании. Она считает, что мы обязаны выделить специальную охрану для их гражданина. Между прочим, по дипломатическим каналам нам пришел запрос с просьбой разрешить прилететь сюда сотруднику охраны Мовсани с оружием. Наш министр внутренних дел категорически против. Ему вообще не нравится, что кто-то из иностранцев может прилетать в нашу страну со своим оружием. Проблема сложная. Но я думаю, что мы им разрешим. От одного пистолета ничего страшного не случится.

– Пистолет опасное оружие. Иногда он стреляет, – напомнил Дронго. – Когда есть оружие, оно должно выстрелить. Как ружье в конце пьесы.

– Он сотрудник английской контрразведки, – сказал министр. – Ты представляешь себе уровень его подготовки. И нам будет гораздо спокойнее, если он приедет вместе с Мовсани. Пусть сам и отвечает за его безопасность. Он английский гражданин, и пусть за его охрану отвечает английская спецслужба.

– Они все равно обвинят нас в случившемся, если Мовсани здесь убьют.

– Но тогда у нас будет хотя бы повод для возражений. Тебя что-то беспокоит?

– В отношении Мовсани фетву объявил сам покойный Аятолла Хомейни?

– Нет. В том-то и дело, что нет. В отношении Салмана Рушди за его «дьявольские стихи» фетву объявил сам Хомейни, и теперь уже никто не может ее отменить. Смертная казнь должна состояться, тем более что исполнителю обещана неслыханная награда – миллион долларов. Хотя сейчас, кажется, цена поднялась до пяти миллионов. Насчет Мовсани все иначе. Фетву ему вынес один из двенадцати высших священнослужителей Ирана. А это совсем другой приговор. Но размер вознаграждения может смутить любого. По-моему, два миллиона долларов. За такие деньги всегда можно найти исполнителя.

– Фанатизм в сочетании с денежным вознаграждением – всегда хороший повод для убийцы, – согласился Дронго.

– Поэтому нужно быть осторожнее. Мы обратились с запросом в наше Министерство национальной безопасности. И они обещали нам помочь. Выделяют своих сотрудников на время фестиваля. Это все, что мы можем сделать.

– А если отменить визит Мовсани?

– Нельзя. Уже невозможно. Во всех европейских газетах есть сообщение об участии Мовсани в нашем фестивале. Если сейчас он не приедет, это вызовет ненужную реакцию в большинстве европейских стран. Ты же знаешь, как они относятся к Ирану. И вообще иранская ядерная проблема сейчас одна из наиболее сложных тем в мировой политике. А нам нужно сохранять спокойствие, учитывая наше положение.

– Понимаю. Иран с юга, Россия с севера, нерешенная проблема в Карабахе с Арменией, воевавшая Грузия и курдские террористы в Турции, не говоря уже о вечно взрывоопасном Дагестане. Окружение у нас, конечно, почти идеальное.

– Мы обязаны сохранить стабильность нашего государства. И проводить такую политику, которая будет на пользу нашей стране и нашему народу. А не во вред. Очень много будет зависеть и от твоего личного участия. Во всяком случае, у нас появляется большая гарантия безопасности, если ты останешься здесь во время фестиваля.

– Как ты сказал в начале нашего разговора? Будем считать, что ты меня убедил. Я все понял.

Уже вечером, анализируя свой разговор, Дронго подумал, что поступил правильно, решив прилететь сюда на фестиваль. Поздно вечером раздался телефонный звонок. Привычно включился автоответчик. Дронго прислушался.

– Добрый вечер, мистер Дронго. Я знаю, что тебе нравится, когда к тебе так обращаются. Но будет лучше, если мы будем, как и прежде, называть друг друга по именам.

– Согласен, – сразу сказал Дронго, поднимая трубку. – Ты, конечно, позвонил случайно и даже не предполагал, что я приехал. Просто решил вспомнить старого университетского товарища.

– Я позвонил с определенной целью и прекрасно знаю, что ты прилетел, – сообщил позвонивший, – и не нужно делать вид, что ты ничего не понимаешь.

– Ты генерал, и тебе положено все знать и понимать. Только меня удивляет такое внимание к моей персоне. Слишком повышенное внимание, я бы сказал.

– Напрасно. Ты сам выбрал себе такую профессию. Стал самым известным в мире экспертом-аналитиком, и теперь твое появление в любой стране вызывает к тебе очень пристальный интерес.

– И у нас тоже?

– Тем более у нас. Кто тебя знает, зачем ты приехал и на кого ты сейчас работаешь. У тебя масса знакомых в российских спецслужбах.

– И не только в российских. Если ты помнишь, то я почетный офицер сразу нескольких спецназов. В том числе и двух наших.

– Поэтому я тебе и позвонил. Нам нужно с тобой переговорить. Где мы можем встретиться?

– Можешь сам предложить место встречи. Только не в вашем заведении. На меня плохо действуют эти здания. Иначе, увидев меня, все решат, что теперь я работаю и на местную службу безопасности.

– Я тебя сюда и не приглашу, чтобы не портить твое реноме. Сам приеду к тебе через полчаса. Не возражаешь?

– Буду рад. Адрес ты, конечно, помнишь. Тебе это положено по службе.

– Тогда договорились, – согласился генерал.

Дронго положил трубку и усмехнулся. Такая быстрая реакция позвонившего свидетельствовала, что визит этого Мовсани всерьез заинтересовал определенные ведомства в Баку. Через полчаса генерал сидел у Дронго дома. Генерал был молодой, подтянутый и интеллигентный. У него не было пуза, столь характерного для многих высших офицерских чинов разных стран и народов. Он был заместителем министра национальной безопасности. Раньше он работал в Министерстве внутренних дел, в особой инспекции, куда набирали только наиболее проверенных и надежных сотрудников. Но самое интересное, что много лет назад они вместе с Дронго учились в одной группе юридического факультета. И будущий генерал был старостой группы, в которой учился и будущий эксперт-аналитик.

В те годы они дружили. Затем судьба развела их, и они иногда встречались или пересекались по различным делам. Дронго всегда помнил своего бывшего старосту. Тот был необыкновенно порядочным человеком. Он раздавал стипендии студентам и в отличие от остальных старост никогда не оставлял себе ни одной копейки. Когда некоторые студенты великодушно пытались оставить эти копейки, староста краснел и требовал забрать все деньги. Он вообще был всегда чрезвычайно пунктуальным и аккуратным во всем.

Дронго пригласил пришедшего в гостиную и выкатил столик с хорошо заваренным чаем. Он знал, что его гость не злоупотребляет спиртным.

– Ты приехал, чтобы поговорить со мной насчет визита Мовсани? – сразу спросил Дронго.

– Ты негостеприимный человек, – упрекнул хозяина дома генерал. – Сначала нужно поговорить о близких людях, потом о знакомых, перейти к беседе о погоде и только затем говорить о делах, – он усмехнулся, – но если ты считаешь, что первую часть разговора можно опустить, начнем сразу со второй.

– Должен сказать, что мне сегодня необыкновенно повезло, – сказал Дронго. – За один день встретить сразу двух чиновников высшего ранга, в порядочности которых я никогда не

сомневался. Это, наверно, редкая удача. Встретить сразу двоих людей, которых я знаю уже много лет. Среди чиновников такого ранга вы как белые вороны. А может, просто наше поколение немного другое, как ты считаешь?

– Если ты говоришь о встрече с министром иностранных дел, то мы о ней, конечно, знаем. Только чиновник высшего ранга это он, а я всего лишь сотрудник нашего министерства.

– Ты тоже чиновник. Заместитель министра. Ты еще ничего не сказал насчет моей фразы о порядочных чиновниках. Как ты считаешь, какой процент подобных людей среди вашей братии?

– Не знаю, – нервно дернулся генерал. – Не нужно задавать мне такие провокационные вопросы.

– Это не провокационные вопросы. Ты знаешь, с годами я становлюсь мизантропом, начинаю меньше любить людей. Подозреваю их в разного рода уловках и часто нахожу какого-нибудь мерзавца среди внешне благообразных личностей. Трудно жить с таким грузом. А иногда встречаю таких людей, как ты, и хочется верить в будущее человечества. Все кажется не таким плохим, если иногда в течение суток можно встретить сразу двух порядочных людей. По-моему, это уже подарок судьбы. Как ты думаешь, сколько чиновников можно назвать просто порядочными людьми?

– Ты напрасно так говоришь. Я пришел по конкретному делу. А не для того, чтобы обсуждать, какой процент наших чиновников, на твой взгляд, могут считаться порядочными. Все относительно, и ты знаешь это лучше других.

– Нет. Подлость всегда останется подлостью, в какую бы упаковку она ни рядилась. Предательство всегда омерзительно, какие бы доводы оно ни приводило в свое оправдание. Хотя я могу согласиться, что ложь может рядиться в тысячу обличий. Но я говорил об элементарной порядочности. Я ведь помню до сих пор, как ты краснел, когда кто-то из студентов пытался оставить тебе даже десять копеек. Другие старосты так не делали. Ты полагаешь, что с тех пор сильно изменился?

– Возможно, – вздохнул генерал, улыбнувшись. – С моей специализацией трудно быть ангелом.

– А я и не считаю тебя ангелом. Просто сложно найти человека на твоей должности, который в молодости краснел и отказывался от лишней копейки, а уже в зрелые годы ушел из МВД с ответственной должности, не превратившись в хапугу и проходимца.

Генерал отвернулся. Ему не хотелось спорить. Он знал, что его собеседник был прав. Он ушел из Министерства внутренних дел именно потому, что его не устраивали нормы поведения некоторых офицеров. Его моральный кодекс в них явно не вписывался. В начале двадцать первого века в самых циничных и коррумпированных структурах еще сохранялись подобные идеалисты и стоики.

– И все-таки Мовсани? – напомнил Дронго.

– Да, – кивнул генерал, – он прилетает тринадцатого. В пятницу. Вместе со своим личным телохранителем. Стивен Хитченс. По нашим данным, это действующий сотрудник. Он не в отставке и не на пенсии. Англичане считают, что Мовсани угрожает реальная опасность. Очевидно, ты думаешь так же, если решил прилететь в Баку во время фестиваля. Или тебя кто-то попросил?

– Президент фестиваля Рустам Ибрагимбеков.

– Я тебя серьезно спрашиваю. Кто стоит за твоим визитом? Россия? Великобритания? США? Турция? Или несколько стран?

– Тебе не кажется, что я могу наконец обидеться? Ты считаешь, что я работаю на спецслужбы этих государств? Не слишком ли много хозяев у одного несчастного эксперта?

– Я не сказал, что ты на них работаешь. Я ведь знаю тебя уже много лет. Ты никогда не будешь работать ни на одну спецслужбу мира. Такой волк-одиночка. Один и на всю жизнь.

Кроме того, тебе важна твоя репутация, о которой знают в любой спецслужбе мира. Но так получается, что любой твой визит в какую-либо страну становится известен слишком многим. И за каждым из них всегда стоят конкретные интересы.

– Это верно. Репутация вещь полезная. Кажется, у Окуджавы была такая фраза: «Нарабатывается годами, а теряется в момент». Что касается «интересов», то я не виноват, что в этом опрокинутом мире все спецслужбы обязаны противодействовать массе фанатиков, негодяев, убийц, насильников, террористов. И я действительно в силу своей профессии стараюсь им всем помогать.

– И поэтому ты приехал сюда. И конечно, не потому, что тебя попросили быть гостем фестиваля. Ты решил, что тебе нужно быть здесь именно сейчас. Решил спасти Мовсани?

– Ты согласишься, если я скажу, что никогда раньше о нем не слышал?

– Не знаю. Возможно, и поверю. Значит, ты решил кому-то помочь?

– Можешь мне не верить, но вам. Именно вам. Я не хочу, чтобы на моей родине убили этого режиссера. Зачем нам нужна репутация страны, в которой могут убить известного диссидента. Я подумал и решил, что могу принять предложение Рустама и приехать сюда, чтобы помочь вам и не допустить убийства Мовсани...

– Ты говоришь серьезно?

– Абсолютно. Почему нельзя верить в мой патриотизм? Раньше ты был обо мне гораздо лучшего мнения. Кажется, однажды на моем дне рождения ты сказал, что я всегда резко отличался от всех остальных сокурсников своей интеллигентностью и рассудительностью. Я не ошибся, ты, кажется, говорил именно о рассудительности. Так вот, она у меня осталась. Я решил, что мне просто необходимо сюда прилететь, чтобы помочь вам в этом неприятном вопросе.

Генерал молчал. Они были знакомы уже больше тридцати лет и хорошо знали друг друга. Генерал подумал, что хозяин квартиры, возможно, говорит искренне. Или ему хочется, чтобы Дронго говорил искренне.

– Значит, ты патриот, – сказал генерал. – А ты не подумал, что за этим делом стоят интересы многих стран? Может неожиданно выясниться, что ты все неправильно рассчитал. И нам совсем не нужен живой Мовсани. Может, в интересах нашей страны, чтобы он остался здесь навсегда? Об этом ты не подумал? Ведь у нас есть и свои интересы. Я уже не говорю о том, что здесь обязательно будут затронуты интересы и других стран. Американцам, например, очень выгодно, чтобы Мовсани убили именно здесь. Представляешь, какой козырь. Убийство известного иранского диссидента, которое наверняка совершают иранские спецслужбы. Ничего лучше и придумать нельзя.

– Мне всегда казалось, что американцы союзники англичан. Или уже все иначе?

– Не иначе. Просто я хочу, чтобы ты все понимал.

– Если понадобится подставить своего союзника во имя высших интересов, то какая спецслужба мира от этого откажется, – задумчиво произнес Дронго. – Теперь понятно, почему такой ажиотаж вокруг приезда этого несчастного режиссера. Что касается ваших интересов – тоже понятно. Убийство Мовсани всколыхнет мировую общественность и сразу решительно настроит против Ирана весь мир, который и так с трудом переносит явное и тайное желание этой страны стать обладателем ядерного оружия. Но я полагаю, что ваши аналитики должны просчитывать и последующие события. Нагнетание обстановки вокруг Ирана не в интересах Баку, в этом я убежден. Когда у соседей горит дом, пламя может случайно перекинуться и на твой дом.

– Мы постараемся не допустить пожара у нас, – заметил генерал. – Но у каждой страны должны быть свои интересы. И свои союзники.

– Неужели вы решили его «сдать»? Никогда не поверю.

– Никто об этом не говорит. Но есть спецслужба еще одной страны, для которой убийство Мовсани в Баку будет просто подарком судьбы. Учитывая ее отношения с Ираном. Рано или поздно она должна будет поднять свои бомбардировщики и разбомбить ядерный объект иранцев в Бушере. Как эта страна уже сделала это однажды против Ирака, еще во времена Саддама Хусейна. Понимаешь, о ком я говорю?

– Конечно. О стране, где лучшая разведка в мире, специализирующаяся на убийствах своих противников. Единственная разведка в мире, которая не только не отрицает свою официальную деятельность по устранению врагов, но и всячески ее поощряет... Это Моссад.

– Верно. Теперь просчитай, насколько выгодно убрать одного режиссера чужими руками и не бомбить Иран, гарантированно ввязываясь в новую большую войну против всего арабского мира. Даже не так. Против всего мусульманского мира. И никто не может дать гарантии, что соседний Пакистан, уже обладающий ядерным оружием, останется в стороне от этого конфликта. Особенно после того, как с поста президента ушел Паравез Мушараф, последний сдерживающий фактор пакистанской политики.

– И вся эта мировая история завязана на приезде Мовсани? – иронично уточнил Дронго. – Не слишком ли много для одного режиссера? Первая мировая война началась хотя бы с убийства эрцгерцога. А здесь всего лишь режиссер.

– Не шути, – прервал собеседника гость, – все очень серьезно.

– Понятно. И ты пришел рассказать мне о возможных угрозах и зреющем мировом конфликте, который может произойти, если убьют Мовсани?

– На приеме будут сотрудники иранского посольства, – сказал примирительно генерал, – и мы знаем, что один из них сотрудник спецслужб. Более того, он будет вооружен. Мы, конечно, будем за ним следить, но если он решится достать пистолет, нам придется принимать адекватные меры.

– Легче его убрать. Найти повод и выслать из страны этого «специалиста» обратно в Иран.

– Не получится. Найдут другого, еще более опасного. И не забывай, что на банкете может быть и посол Израиля. А у него будет свой телохранитель, который полагается по статусу каждому израильскому послу. И если он увидит, что сотрудник иранского посольства достал оружие, то может неправильно среагировать. Уже не говоря о том, что там будут послы США и Великобритании, а у них могут быть свои специалисты по нейтрализации этого иранского специалиста. И все это из-за приезда одного режиссера. И одного эксперта.

– Можно подумать, что это из-за меня они готовятся устроить перестрелку, – недовольно пробормотал Дронго.

– Но ты будешь катализатором. О твоём приезде все уже знают. Если такой специалист, как ты, прибыл на фестиваль, значит, угроза жизни Хусейна Мовсани реальна. И об этом уже многие догадываются. Иначе бы ты просто не появился здесь.

– Получается, что мой приезд провоцирует убийство Мовсани?

– Твой приезд подчеркивает серьезность опасности его жизни. И невольно побуждает к действиям возможных убийц. Вот это правда.

– Ты хочешь, чтобы я уехал?

– Поздно. О тебе все равно уже знают. Теперь нужно готовиться к самому худшему.

– А я всегда к этому готов. С тех пор, как занимаюсь своим делом. Может, лучше дать слабительного Мовсани и просто усадить его на три дня в туалет?

– Очень смешно. Но он должен быть на фестивале. Это уже политический вопрос.

– Как мне надоели все эти политические вопросы! Я только не совсем понимаю насчет его фетвы. Ее не объявлял Хомейни?

– Нет. Мовсани был тогда еще молодым человеком. Но Хомейни сменил другой духовный лидер – Хаменеи. И, по нашим сведениям, он тоже не объявлял эту фетву. Ее объявил один из членов высшего совета улемов. Один из двенадцати. Он посчитал, что Мовсани высмеивает

иранцев в своем фильме. Но остальные не поддержали его фетву. Однако награда в два миллиона долларов была объявлена. А это уже серьезная сумма. И очень серьезные люди готовы ее получить. Достаточно убить режиссера, чтобы стать миллионером. Соблазн слишком велик.

– В таком случае если он уедет живым, то вы должны будете выплатить мне хотя бы четверть этой суммы, – пошутил Дронго. – Хотя наверняка вместо «спасибо» вы только попросите меня поскорее уехать.

– Ты слишком преувеличиваешь значение своей персоны, – улыбнулся генерал, – хотя тебя и называют лучшим экспертом. Я приехал рассказать тебе обстановку вокруг этого визита. А ты встречаешь меня как генерала враждебной стороны.

– Неправда. Я всегда встречаю тебя как друга. Хотя бы потому, что ты у меня в гостях. С генералом другой стороны я не стал бы встречаться у себя дома. Нашел бы другое место.

– Спасибо. Между прочим, мы не виделись с тобой уже три с лишним года, и я у тебя в гостях. Может, ты хотя бы ради приличия предложишь мне другой напиток, кроме чая?

– Насколько я помнил, ты у нас не любитель выпить.

– И поэтому ты решил сэкономить?

– Подозреваю, что твои сотрудники даже знают, какие марки коньяка есть в моем баре, – пробормотал Дронго, – судя по тому, как плотно вы со мной работаете. Наш разговор тоже записывается?

– Ты повсюду установил эти скэллеры, – напомнил генерал. – Не считай нас идиотами. Мы тоже научились работать.

Дронго поднялся и принес бутылку коллекционного коньяка двадцатилетней выдержки. Генерал, соглашаясь, кивнул головой. Хозяин квартиры разлил коньяк в два больших пузатых бокала.

– За нашу дружбу, – предложил генерал, поднимаясь из кресла.

– За нашу дружбу, – согласился Дронго. – Ты знаешь, я сейчас вспомнил, что троих из наших ребят уже нет в живых. А ведь мы с тобой совсем молодые люди.

– Уже четверых, – помрачнел генерал, поднимая бокал.

– Кто? – спросил Дронго.

– Алик. Он погиб во время ликвидации банды, – сообщил генерал. – Говорили, что случайная пуля. Некоторые еще верят в такие глупости. Но в нашем деле случайных пуль не бывает. Он пошел первым, чтобы не подставлять молодых ребят. И погиб. Вот такая у нас работа. – Генерал отвернулся. Дронго знал историю семьи своего друга. Учившийся с ними на два курса старше, его двоюродный брат воевал в Карабахе и погиб, уйдя с отрядом на задание. Двоюродный брат генерала был сыном вице-премьера. Он вполне мог отсидеться в штабе или в тылу, мог не рваться на передовую. Но во все времена находились люди, которые принимали ответственное решение и первыми шли под пули. Может, потому, что чувствовали себя более ответственными за все, что происходило у них в стране.

– За всех погибших, – сказал Дронго, – и за нашу дружбу. За всех наших погибших товарищей.

Глава 4

В пятницу вечером должен был прилететь самолет из Лондона. В VIP-зале уже ждали прибывающего режиссера и его телохранителя. Зема нервно прогуливалась по залу, поглядывая на часы. В кожаном кресле сидел Вагиф Бабаев. Ему было приятно находиться в таком месте, где бывали министры и депутаты. Судя по его довольному лицу, он был вполне счастлив. Рядом с ним на диване сидел молодой человек – Салим Садых, который должен был работать своеобразным помощником и переводчиком прибывшего режиссера. Салим хорошо знал английский и фарсидский языки, был кандидатом в мастера спорта по боксу и мог при необходимости выступить и в роли телохранителя. Молодому человеку было двадцать четыре года. Он впервые приехал в такое место и поэтому с любопытством оглядывался по сторонам. Мимо прошагал известный депутат, торопившийся на свой рейс. Он недовольно посмотрел на молодого человека, верно рассудив, что тот либо помощник, либо переводчик, но в любом случае не начальник и не должен сидеть на диване в присутствии «слуг народа».

В этом зале было еще несколько комнат для особо избранных. Там могли находиться члены правительства и руководители президентской администрации. В таких случаях в этих комнатах накрывались столы, подавались фрукты и сладости.

Зема была в коротком пиджаке и темных брюках. Ей было немногим больше сорока лет. Работавшая в Союзе кинематографистов уже долгое время, она привычно ходила по залу, в котором принимала стольких знаменитостей, от обладателей «Оскара» до популярных актеров, прибывающих из всех стран мира. Она была своеобразным хранителем традиций всех кинофестивалей, так как неизменно работала в оргкомитете.

Сегодня Зема приехала сюда уже в третий раз. Рано утром прилетела делегация из Стамбула, в которую входили несколько известных турецких продюсеров и режиссеров. Днем она приехала за частью российской делегации. На фестиваль традиционно приезжали некоторые гости, которые часто бывали в Баку, например продюсер Юрий Мацук или сценарист Павел Финн.

Зема многих знала в лицо. Знала их привычки и особенности характеров. Поэтому она лично приезжала в аэропорт, чтобы встретить почетных гостей. Но прибывающего иранского режиссера Хусейна Мовсани она раньше никогда не видела. Возможно, именно в силу этого обстоятельства и других моментов, о которых Зема говорила с Дронго, она волновалась гораздо больше, чем раньше. Ей явно не сиделось на месте, и она все время подходила к окнам, словно могла увидеть прибывающий лайнер и каким-то образом ускорить его посадку.

Ни Зема и никто из мужчин, сопровождавших ее для этой встречи, даже не подозревали, что в машине, припаркованной на другой стороне от входа в зал, в это время находился сам Дронго. Он приехал сюда, чтобы увидеть прилетевшего гостя. Но еще больше его интересовал сопровождавший гостя сотрудник английских спецслужб. Если Стивен Хитченс действительно профессионал, то тогда большая часть проблем, связанных с визитом Мовсани, так или иначе будет решена. Ведь профессионалы понимают друг друга намного лучше, когда дело касается их внутренних проблем.

Дронго не стал заранее предупреждать Зему о своем возможном визите. Он сидел в салоне автомобиля, чтобы появиться в зале только в последний момент. Ему не хотелось обращать на себя внимание. Ведь среди прибывающих и отъезжавших могли оказаться люди, знавшие его в лицо. К тому же у дверей VIP-зала постоянно дежурили представители различных телеканалов, и ему не хотелось попасть в объективы их камер. Самых операторов не пускали в зал, и они вынуждены были дежурить у входа, ожидая появления Мовсани.

Когда по аэропорту объявили о прибытии самолета из Лондона, он быстро вышел из автомобиля и натянул на голову кепку, чтобы его не могли узнать. К счастью, в Баку его не

знали в лицо. Он сумел пройти в зал, миновав таможенный и пограничный посты и обойдя корреспондентов, толпившихся у входа. Входя в VIP-зал, Дронго положил два своих мобильных телефона на столик, чтобы пройти через металлоискатель. Уже входя в зал, он обратил внимание, что за таможенной стойкой сидит офицер с погонами полковника-лейтенанта. Очевидно, таможенную службу успели предупредить о визите Мовсани. Хотя, скорее всего, их интересовал не столько приезд иранского режиссера, сколько приезд сопровождавшего его сотрудника, которому разрешили привезти с собой оружие. Дронго прошел в зал и услышал, как за его спиной раздалась речь с английским акцентом. Это был сотрудник посольства, который прибыл в аэропорт для встречи режиссера, ведь Мовсани являлся гражданином Великобритании.

Дронго нарочно замедлил шаг, проходя по коридору, чтобы его обогнал дипломат. Тот вошел в зал и сразу направился к Земе. Очевидно, они были знакомы. Зема, улыбнувшись дипломату, шагнула к нему навстречу. Дронго вошел в зал. Увидев его, Бабаев сразу поднялся.

– Добрый вечер, – радостно сказал он, пожимая руку гостю, – как хорошо, что вы лично приехали. Сейчас объявили о посадке самолета. Девушка уже пошла их встречать. Они скоро будут здесь.

– Кто это с вами? – поинтересовался Дронго, показывая на молодого человека, также поднявшегося при его появлении.

– Салим Садых, – сказал Бабаев. – Он будет работать помощником и переводчиком нашего гостя. Между прочим, он кандидат в мастера спорта по боксу. Спортсмен. И хорошо знает английский язык. И фарсидский тоже. Его дедушка, бабушка и отец приехали из Ирана еще в пятидесятые годы. А он родился уже в восемьдесят пятом в Баку.

– Очень приятно, – Дронго пожал руку молодому человеку.

– Мне тоже, – улыбнулся Салим. – Я много про вас читал в Интернете.

– Там не всегда бывает все правильно, – поморщился Дронго, – очень много неточной информации, очень много разного рода сплетен и слухов, масса небылиц и совсем немного правды.

– Добрый вечер, господин Дронго, – подошла к ним Зема, протягивая руку. – Наши гости, кажется, уже прилетели. Сейчас они должны выйти. А это господин Раймонд Слейтер из английского посольства.

Дипломат подошел к ним, церемонно поклонился. Ему было лет тридцать пять. На его лице не отражались никакие эмоции. Было понятно, что он приехал сюда всего лишь исполнить свою служебную обязанность. Если он и был представителем спецслужб, то очень искусно это скрывал.

– У вас много гостей? – уточнил Дронго.

– Да, – вздохнула Зема. Ей было приятно быть в центре внимания на таком крупном международном форуме. – И все подтвердили свое участие. Я сегодня уже дважды приезжала в аэропорт. Днем приехала большая российская делегация.

– Все прилетели?

– Почти все. Только режиссер Зиновий Ройзман не смог. Он занят монтажом своего фильма. Звонил, извинялся. Очень жалеет, что не может прилететь, у него здесь много друзей. Зато прилетел Александр Нахимсон. Вы его должны знать. Он часто работает с Гусманом.

– Очень хорошо знаю. Он так похож на Эйзенштейна, что я иногда думаю, что он его незаконнорожденный сын.

Они улыбнулись друг другу.

– Они будут жить в отеле «Европа»? – поинтересовался Дронго.

– Да. Мы выбирали номер вместе с англичанами, – показала в сторону Слейтера Зема. – Девятьсот шестой, так называемый королевский номер. Он состоит из четырех комнат, которые можно разделить на два номера по две комнаты. Два смежных номера с общей дверью. В одной половине будет жить сам Мовсани, а в другой – его сопровождающий мистер Хитченс. Все

решили, что так будет правильно. И мы еще посадим нашего сотрудника в коридоре. Хотя скажу вам по секрету, что, по-моему, наши опасения оказались не напрасными. К нам звонили из Министерства национальной безопасности. По-моему, они тоже очень встревожены. Но вы не беспокойтесь, мы все равно оплатим вам билеты.

– Я не сплю уже две ночи, опасаясь, что не заплатите, – улыбнулся Дронго. – Значит, приезд Мовсани вызвал такой ажиотаж.

– И не говорите, – вздохнула Зема, – он стал настоящей звездой. Так было, когда приезжал Пьер Ришар из Франции. Ой, кажется, они уже приехали.

В этот момент открылась дверь. С другой стороны подъехал автобус, привозивший пассажиров. Из него вышла дежурная, за ней двое мужчин. Один был среднего роста, в клетчатой кепке, темной куртке. У него была мешковатая фигура, рыхлое лицо в оспинках, большие уши, вытянутый нос, немного выпученные глаза. Он снял кепку, приглаживая редкие волосы коричневого цвета. Он наверняка использовал для окраски волос хну. Следом за ним в зал вошел мужчина лет сорока пяти. Он был выше своего спутника на целую голову. Одетый в темный плащ, худощавый, подтянутый, ладно скроенный. Лицо было немного удлинненное, светлые глаза, седые волосы. Взгляд настороженный, но спокойный.

Они вошли в зал. Первой к гостям подскочила Зема, приветствуя их на английском языке. За ней потянулись Вагиф Бабаев и Салим Садых. Дронго стоял немного в стороне. Сотрудник английского посольства пожал руки обоим прибывшим и что-то сказал Хитченсу. Тот кивнул. К ним подошел офицер таможни, и сотрудник посольства предъявил ему сертификат на оружие. Очевидно, это было согласованное разрешение на приезд Хитченса с оружием. Таможенник кивнул, унося куда-то документы. Только тогда Зема вспомнила о Дронго.

– А это наш эксперт по безопасности, – показала она в его сторону, – господин Дронго.

Было заметно, что Хитченс слышал это имя. Но он внешне не подал виду. Хотя с явным любопытством оглянулся. Затем подошел первым и пожал руку Дронго. За ним подошел Мовсани.

– Добро пожаловать в Баку, – сказал по-фарсидски Дронго.

– Спасибо, – обрадовался Мовсани. – Я так давно не слышал родную речь. А здесь все говорят по-фарсидски. И я хорошо знаю азербайджанский, ведь я вырос в Ардебиле, а там почти все говорили по-азербайджански.

– Значит, вы можете считать себя на родине, – улыбнулся Дронго, – если вы родились в Южном Азербайджане.

– Я поэтому так рвался в Баку, – живо закивал Мовсани.

– Мы должны ехать, – напомнил Слейтер.

Все заторопились к машинам. Дронго обратил внимание, как держался Хитченс. Он передал свою сумку носильщику левой рукой, чтобы правая была свободна. Даже когда он здоровался с другими людьми, он все равно не упускал из виду своего подопечного. Они выходили из зала в таком порядке. Первыми шли Бабаев и Салим Садых. За ними Мовсани и Хитченс. Замыкали группу Слейтер и Зема. Но едва первая пара вышла на улицу, как к ним бросились корреспонденты телевизионных каналов. Слейтер повел себя решительно. Он встал перед Мовсани, разводя корреспондентов в разные стороны. Вагиф Бабаев и Салим Садых помогали ему отгонять наиболее назойливых. Но избежать интервью все равно не удалось. Мовсани улыбался. Ему было приятно, что его встречает так много корреспондентов.

– Вы не боитесь покушения? – крикнул первый из них.

– Не боюсь, – ответил режиссер, – я не сделал ничего плохого.

– Вы впервые в Баку?

– Да. Но я родился в Ардебиле, в Южном Азербайджане. И всегда мечтал к вам приехать.

– Вы будете представлять новый фильм?

– Нет. Я приехал в качестве почетного гостя.

– Вы знаете, что на фестиваль приехала большая группа из Ирана? Как вы к этому относитесь?

– Очень хорошо. Надеюсь увидиться со своими бывшими соотечественниками.

– Вы знаете, какую сумму предложили за вашу голову?

– Моя голова стоит гораздо дороже, – сказал режиссер под смех корреспондентов.

– Вы не считаете, что вам грозит опасность? – снова спросил кто-то.

– Спасибо за ваши вопросы, – сказал Слейтер, понимавший азербайджанский язык. – Мистер Мовсани только что прилетел и должен отдохнуть. Извините... – он прошел первым.

Хитченс пропустил Мовсани вперед, настороженно глядя по сторонам. И именно в этот момент раздался громкий сигнал, словно кто-то нарочно ждал окончания этой импровизированной пресс-конференции. Хитченс правой рукой отодвинул своего подопечного, всматриваясь во вторую линию автомобилей, стоявших на параллельном переезде. Но все было спокойно. Корреспонденты повернули свои камеры в другую сторону. Хитченс опустил правую руку, которую он держал наготове. Было понятно, что оружие он носит в специальной кобуре под левой рукой, чтобы его удобнее было доставать.

– Подождите, – попросил Хитченс и, обращаясь к Слейтеру, уточнил: – Где ваша машина? Мы поедем в посольском автомобиле?

– Наша с красными номерами, – показал Слейтер на темный внедорожник «Ленд Ровер».

Хитченс еще раз осмотрелся и, прижимаясь к Мовсани, прошел к машине. Бабаев недовольно пожал плечами.

– Этот англичанин слишком осторожничает. Если он будет так дергаться из-за каждого звукового сигнала, то уедет из нашего города законченным неврастеником.

– Он его телохранитель, – напомнил Салим, – поэтому так переживает.

– У нас не стреляют на улицах города и тем более в таких местах, – недовольно заметил Бабаев. – Пусть хотя бы помнит об этом. Посмотри, что он делает. Кажется, он хочет уехать в посольской машине. Зема, почему вы молчите? Это нарушение нашего протокола.

– Я не могу с ними спорить, – возразила Зема.

Дронго внимательно наблюдал за всем происходящим. Ему понравился этот немногословный англичанин. Хитченс был явно не дилетантом, на него можно было положиться. Нормальная реакция, выдержанный человек, не склонен к необдуманным действиям, умеет просчитывать варианты, действует по обстановке, одним словом, чувствуется профессиональная подготовка.

Гости уселись в первый автомобиль, который был предоставлен посольством Великобритании. В него сели Слейтер, Хитченс и Мовсани. Во втором уехали Зема, Вагиф Бабаев и Салим Садых. Еще одна машина – белая «Хонда» – уехала пустой.

Дронго вышел к своему автомобилю. Он почти никогда не садился за руль, это мешало ему думать. К тому же он мог отвлечься и просто не обратить внимания на другой автомобиль. Поэтому почти везде, где он жил, у него были свои водители. Усевшись в машину, он негромко произнес:

– Спасибо.

– Я все сделал, как вы просили, – сказал водитель. – Как только они закончили разговаривать с журналистами и начали выходить, я сразу дал короткий и резкий сигнал, как вы мне сказали.

– Да, ты все сделал правильно. А сейчас поедем домой.

Он сам попросил своего водителя дать этот сигнал, чтобы проверить реакцию Хитченса и убедиться в серьезности намерений англичан, приславших сюда опытного сотрудника для охраны Мовсани. Итак, тринадцатого, в пятницу вечером, Мовсани прилетел со своим телохранителем в Баку и ничего страшного не произошло. Внезапно Дронго увидел машину, которая медленно проехала мимо них.

– Останови, – попросил он водителя, – не торопись. Пусть они проедут мимо нас. Ты не знаешь, чей это автомобиль?

– Или из милиции, или из службы безопасности, – пожал плечами молодой водитель. – Честное слово, не знаю. Но номера обычные. Машина частная.

– Они следят за приехавшими, – убежденно произнес Дронго. – Нужно будет уточнить, кому именно принадлежит эта машина. А теперь поехали домой.

Уточнить номер машины не представляло особого труда. Уже через час ему было известно, что машина принадлежала Министерству национальной безопасности. Очевидно, его друг генерал решил подстраховаться и послал еще двоих офицеров для охраны прибывшего режиссера. Еще одна машина с сотрудниками должна была дежурить у отеля «Европа», где остановились Мовсани и Хитченс. И в самом отеле тоже дежурили несколько сотрудников Министерства национальной безопасности.

Вечером Дронго включил телевизор. По всем каналам передавали сообщение о приезде в Баку известного иранского режиссера, ставшего гражданином Великобритании, Хусейна Мовсани. Демонстрировали кадры из аэропорта, было заметно, как нервничают Вагиф Бабаев и Салим Садых. Как постоянно кому-то звонит Зема, как дергается мистер Слейтер. Только Хитченс сохранял внешнее спокойствие. И сам режиссер Мовсани держался достаточно спокойно для такой необычной ситуации.

Канал «Европьюс» даже показал фрагменты некоторых фильмов Мовсани, рассказал о его творческом пути и угрозах, которые поступали из Ирана. Комментатор не забыл добавить, что поездка такого известного диссидента в Азербайджан является актом гражданского мужества режиссера и признаком стабильности существующей власти в республике.

Поздно вечером уже по азербайджанскому каналу ANS показали интервью иранского посла. Он категорически отрицал вынесение фетвы бывшему иранскому гражданину, ныне являющемуся гражданином Великобритании. На вопрос ведущего о судьбе Салмана Рушди посол не без волнения ответил, что сам Всевышний покарает нечистивца, осмелившегося бросить вызов миллионам верующих. Что касается творчества Мовсани, то эти выпады носили личный характер и не могут рассматриваться как выпады против всех мусульман, пояснил посол. Однако корреспондент канала настаивал на том, что угрозы в адрес Мовсани реальны. Посол оправдывался, пытаясь объяснить, что политика Ирана не является вызовом современному цивилизованному сообществу и смертный приговор Мовсани был вынесен одним человеком, а не коллегией улемов или высшим имамом, как в случае с Салманом Рушди, которые имели право на вынесение подобной фетвы, приговаривающей богохульника к обязательной смертной казни.

Но настырный корреспондент решил задать следующий вопрос и спросил насчет огромного денежного вознаграждения. Посол резонно ответил, что подобное вознаграждение может назначить и ревнивый муж для убийства любовника своей жены. Или руководитель крупной корпорации, считающий конкретного человека предателем, которого нужно найти и наказать. Однако это совсем не означает, что страна, в которой подобное происходит, может считаться пособником террористов. Корреспондент пытался с ним спорить, но посол прекратил разговор, пообещав, что помолится за душу несчастного Мовсани, чем вызвал еще большее раздражение сотрудников телеканала, которые не удержались от язвительных комментариев в адрес иранского дипломата.

Дронго выключил телевизор во втором часу ночи. Завтра будет пресс-конференция и торжественная процедура открытия. Потом будет банкет. Судя по всему, генерал говорил правду. Мовсани будут охранять как самого ценного гостя и, скорее всего, не допустят никаких серьезных происшествий. По существу, Дронго уже сделал свое дело. Одним своим появлением в Баку он привлек внимание к приезду Мовсани и подтвердил серьезную опасность, которая могла угрожать режиссеру во время его визита. Теперь можно расслабиться и получать

удовольствие. Он отправился принимать вечерний душ. Никто в целом мире не знал, когда произойдет убийство. Никто, кроме убийцы, который этого тоже пока не знал. Но уже твердо был намерен совершить это преступление. До убийства оставалось совсем немного времени.

Глава 5

Рано утром раздался телефонный звонок. Дронго взглянул на часы, стоявшие рядом на тумбочке. Только половина девятого. Кто может звонить в такое время? Он недовольно поморщился. Джил никогда не звонит так рано утром. В Италии сейчас только половина шестого утра. Любой из его близких понимает, что звонить в такое время просто нельзя. Он прислушался. Телефон переключился на автоответчик.

– Доброе утро, – услышал он чей-то незнакомый голос, говоривший с турецким акцентом. Даже не так. Он говорил не с акцентом. Он говорил именно по-турецки. – Извините, что беспокою вас так рано утром. Но у меня к вам очень важное дело. Вы можете взять трубку?

Дронго закрыл глаза и повернулся на другой бок. Какой-то ненормальный тип звонит так рано утром. Почему он должен отвечать этому неизвестному турку?

– Я забыл представиться. Меня зовут Омар Лятиф. Я из Стамбула, журналист, приехал освещать ваш фестиваль. Вы можете мне ответить?

Дронго подумал, что нужно было вообще выключить телефон. Ничего, он сейчас отключится.

– У меня есть важные сведения по поводу приехавшего иранского режиссера Хусейна Мовсани. Дело в том, что его...

Телефон отключился. Дронго открыл глаза. Кто такой этот Омар Лятиф? Откуда он взялся? Что он может знать про Мовсани? Почему он позвонил так рано утром. Черт побери! Теперь уже не заснуть. Он поднялся и сел на кровати. Что именно хотел сказать этот турецкий журналист? Откуда он узнал номер его домашнего телефона? И почему сразу заговорил о Мовсани? Когда все это закончится? Сегодня уже четырнадцатое. Кажется, в понедельник этот иранский режиссер наконец уберется отсюда. Тяжело вздохнув, Дронго поднялся и пошел в ванную комнату бриться. Заодно выиграть время, чтобы позвонить Земе уже после девяти и не будить ее так рано утром.

В десятом часу утра он позвонил ей.

– Доброе утро. Извините, что беспокою вас так рано. Вы не спите?

– Доброе утро. Конечно, нет. Я уже в отеле. Наши гости завтракают.

– Понятно. Вы сейчас в «Европе»?

– Нет. Я в «Хаят Редженси». Основную часть гостей кинофестиваля мы поселили именно здесь. А в «Европе» остаются только несколько человек. Наш иранский гость со своим телохранителем и еще трое гостей, которые сами попросили их там поселить.

– Кто именно? – уточнил Дронго.

– Продюсер Нахимсон, которого вы знаете. Журналистка из Боснии Сада Анвар и журналист из Турции Омар Лятиф.

– Очень интересно. А чем они объяснили выбор этого отеля?

– Нахимсон там раньше останавливался. Он сам попросил, чтобы его поселили в этом отеле, где можно будет спокойно проводить переговоры. А журналисты настаивали, чтобы их поселили именно в «Европе». Причины, побудившие их это сделать, мы не узнавали. Каждый имел право выбрать один из четырех отелей по вкусу. Многие выбрали «Хаят Редженси» в центре, но некоторые предпочли «Крисчен-Бич» на побережье. Еще несколько человек поселились в «Радиссоне». И пятеро в «Европе».

– А почему вы пошли им навстречу? Почему решили разместить их именно там?

– У нас заказаны номера в разных отелях. Это был выбор каждого, – пояснила Зема.

– Но вчера вы не говорили мне, что, кроме Мовсани, еще кто-то будет жить в «Европе».

– Журналисты прилетели сегодня ночью. Рейсом из Стамбула. Вчера их еще там не было.

А Нахимсону предложили отель на побережье, но он поменял его на «Европу». Завтра у них

переговоры относительно нового фильма. Может, вы слышали. А почему вас так заинтересовали эти журналисты?

– Дело в том, что примерно минут сорок назад мне позвонил Омар Лятиф, чтобы сообщить какую-то важную новость о Мовсани. Вы случайно не знаете, что именно он хотел мне сообщить?

– Нет, не знаю. А откуда он узнал ваш домашний телефон? Или он позвонил на мобильный?

– На домашний. В половине девятого утра. Вот почему я решил перезвонить вам, чтобы узнать, откуда этот ретивый турецкий журналист узнал мой номер.

– Если вы думаете, что это я дала ему ваш телефон...

– Не думаю. Но почему он позвонил? У вас есть его мобильный?

– Конечно. У нас есть контактные номера всех приехавших.

– Продиктуйте мне его номер, – попросил Дронго.

– Я вам перезвоню через десять минут, – ответила Зема.

Дронго положил трубку. «Надеюсь, что в «Европе» сегодня утром ничего не случилось», – подумал он. Минуты тянулись томительно долго. Наконец он не выдержал. Нашел справочник, где были телефоны всех отелей, и позвонил в «Европу».

– Говорят из службы безопасности кинофестиваля, – представился Дронго. – У вас все в порядке?

– Да, – ответил удивленный дежурный. – А почему вы спрашиваете? У нас дежурят ваши сотрудники. Они взяли два номера. Вы можете позвонить им.

– Какие сотрудники?

– Вы же говорите, что вы из Министерства национальной безопасности, – переспросил дежурный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.